

ОЛЕГ ШТАРЕВ

Публикует свои произведения в разных сборниках и альманахах.

ПУСТЬ ЖИВЁТ РЫБКА

Утки с улыбками подплывали к лодке. Получив корм, обрадованно крикали, хватывали клювом кусок, макали в воду и какое-то время держали там. То ли полоскали, то ли размягчали, чтобы потом удобнее было проглотить.

Затвердевший, но ещё не черствый серый хлеб продавали тут же, на лодочной станции. И почти все, беря лодку, покупали пакет, а то и два утино гощения.

Я выгреб на середину прудика и направил лодку к большой компании крякв, не охваченных кормлением. Вокруг каждой посуды, с которой кидали хлеб, тут же образовывалась своя стая и держалась так близко, что иные из уток даже бесстрашно лезли под весло. Но моя дочь Настя напрасно беспокоилась, что я по неосторожности кого-нибудь задену — птицы ловко уклонялись, подныривали и неумоимо поглощали хлеб — только успевай подкидывать.

Нарядный мальчик на водном велосипеде, заметив красивую Настю, сделал лихой вираж, явно желая произвести впечатление тем, как послушно гребное колесо его педалям. Девочка, однако, оставила без внимания кренделя незнакомца и была всецело поглощена кормлением уток. Пристроив пакет с хлебом в ногах, она отщипнула от краешки изрядный кусок и поочерёдно крошила его то по левому, то по правому борту.

К нашему удивлению, прожорливость уток не знала предела. Сколько дочь ни кидала, всё им было мало, и на каждый новый мякиш они набрасывались с тем же жадным энтузиазмом, как на самый первый.

Мальчик, уже истративший свой хлебный запас, не без зависти смотрел, как экономно управляется с утиным харчом дочь. Похоже, он сразу бухнул в воду полбуханки и теперь не мог принять участия в кормёжке.

Настя между тем заприметила выводок утят и попросила меня подплыть к заводу, где они под руководством зорко следившей за ними мамыши что-то вылавливали. Я вырулил впрыток к этому семейству, и вскоре малыши расторопно и с желанием переключились с козявок, которых до этого усердно

добывали, на хлебушек. Дочь специально для них крошила его на мелкие части и кидала так, чтобы всем перепало.

Пока мы кормили уток, мальчик на катамаране не знал, чем себя занять, и изнывал от скуки. Крутить педали ему порядком надоело, и он предоставил своему плавсредству скользить по водной глади как заблагорассудится, из-за чего угодил в густую тину. Не без труда выбравшись оттуда, парнишка обнаружил, что на рабочие лопасти намотались водоросли, и с помощью где-то найденного кривого прутика долго их счищал. Зато когда его велосипед вновь приобрёл свободный ход, он, чувствуя себя героем, смело подплыл к нашей лодке и вежливо попросил:

— Извините, вы не дадите мне хлеба уток покормить? А то у меня кончился.

Настя безмолвно и величественно протянула в его сторону руку с горбушкой, и, надо отдать ему должное, этот мастер водной велоезды умело и без брызг подплыл и принял её дар. Мало того, он галантно протянул ей полураспустившуюся кувшинку на длинном гибком стебле, но она отнеслась к цветку без интереса — поблагодарила и бросила на дно лодки, словно мокрую верёвку.

Тут на наших глазах пожилой рыболов вытянул из воды крупного карася, но тот никак не хотел попасть кошке на ужин, изо всех сил трепыхался, сорвался с крючка и был таков. Мы с дочкой за него порадовались. Пусть живёт рыбка.

Крошка за крошкой наш утиный провиант подошёл к концу, и мы поплыли к берегу. Нас провожала зелёная стрекоза. Она зависала над нами в воздушном танце, трещала газовыми крылышками и примеривалась сесть, но потом вдруг, словно передумав, резко взмыла вверх и исчезла из виду.

Ненасытные утки продолжали набивать себя хлебом и были так же улыбки, как раньше. Аппетит и хорошее настроение их не покидали.

А мальчик на водном велосипеде задумчиво смотрел нам вслед, держа в руке оставленный Настей в лодке цветок.

НЕ ОТ ХОРОШЕЙ ЖИЗНИ

Каких только кормушек не было в парке! Обычные фанерки с жердочками-оградами по краям птичьего «столика», приспособления из половинок старых ящиков, бочонки с проёмами внизу, нарядные подвесные теремки, скороделки из-под молочных пакетов и пластиковых бутылок с окошком внутрь для входа, коробочки от печенья, конфет и прочая упаковка с раз-

ных размеров дырами и прорезями... И всё это щедро заполнялось и предназначалось для парковых любимиц белочек и всякой птичьей живности. Правда, ворон и голубей здесь не жаловали, и потому входное отверстие было сделано с таким расчётом, чтобы доступа к чужим скатертям-самобранкам они не получили.

Сложнее было разделить подношения пернатым и белкам. У тех и других пищевые интересы, конечно, во многом совпадают, но тем более хочется, чтобы орешки, семечки, сухофрукты в первую очередь доставались пушистым зверькам, а пичугам достаточно будет хлеба, перловой крупы, овсяных хлопьев да размятой вилкой или ложкой варёной картошки.

Кормушки обычно наполняют одни и те же люди. Сами они с понятием и другим не стесняются объяснить, что туда не надо сыпать что попало. Например, чёрный хлеб во вред — можно только белый. Да и во всём надо знать меру — иначе птицы отвыкают сами добывать себе корм и в результате слабеют, хиреют и погибают.

Шустренькую бабульку, переходившую со своей выдавшей виды кожаной сумкой от кормушки к кормушке, я поначалу принял за одну из бессменных ревнительниц местной фауны. Есть среди пенсионеров энтузиасты, которые исправно приносят зверькам и птицам угощение и даже стараются делать это примерно в одно и то же время. Бабулька вела и держала себя именно так. Она заботливо что-то подкладывала, подсыпала, поправляла кормушки, отгоняла докучливых голубей, которым внизу перепало то, что сыпалось сверху.

Но тут моя наблюдательная дочь спросила:

— А что это она делает?

Поскольку я ничего особенного не заметил и смотрел на Настю с недоумением, она взяла меня за руку и возмущённо сказала:

— Бабка-то у белок компот ворует!

Проследив за старушкой, я увидел, что она в самом деле сгребает в свою сумку курагу, чернослив, сушёные яблоки и груши. Даже пряник не побрезговала прихватить.

Честно говоря, я опешил и не знал, как поступить. Первым моим порывом было уличить бабульку в неблагоприятных действиях. Но я сдержался и решил промолчать, хоть Настя и требовательно заглядывала мне в глаза, теребила за рукав и ждала, чтобы я положил конец этому мелкому мародёрству.

— Подожди, остынь, — стал объяснять я дочери. — Мы же не знаем её обстоятельств. Возможно, женщина не в своём уме. Какой тогда с неё спрос?

А может, здесь и другое, — продолжал я втолковывать, — человек бедствует, живёт в нищете, копейки считает. Иначе не позарилась бы на беличий корм. И ей, наверно, помочь надо, а не нападать на неё.

Настя призадумалась и притихла, и мы потихоньку развернулись и пошли в противоположную сторону.

Я уж не стал рассказывать дочери, как однажды узнал в старой бомжихе, копавшейся в мусорном бачке, свою учительницу математики.

Опустошительница кормушек не выглядела сумасшедшей. Сразу было видно, что она очень нуждается, но всеми силами старается поддерживать себя, не опускаться. Должно быть, гордость не позволяет ей рыться в поисках пропитания в помойке или просить милостыню. Гулять по парку и обирать украдкой наших меньших братьев, тоже, конечно, стыдно. Да как её осудишь? Ведь она это делает не от хорошей жизни.